

Полина Воронова

БЫ...

16+

Полина Воронова

БЫ...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66079212

SelfPub; 2021

Аннотация

Все, что ей осталось после смерти мужа – это думать, как могла БЫ сложиться ее жизнь, проживи они вместе чуточку подольше. Это – и еще кое-что, что позволяет жить дальше и улыбаться.

Полина Воронова

Бы...

У ярко-рыжего котика, который живет на площадке между первым и вторым этажом и которого мы кормим всем подъездом, есть на животе волшебная кнопка. Если нажать на нее, котик издаст протяжное «мур-р-р-р» и перевернется на спинку. Тогда можно вдоволь гладить его мягкое белое пузо, а он будет тархтеть и пытаться ухватить руку толстыми лапами. У меня всегда получалось отыскать эту кнопку с первого раза, а Андрею это не удавалось никак. Он все тыкал и тыкал толстика в живот, растерянно вопрошал «Ну как же его перевернуть, а?», пока не получал лапой от недовольного фамиллярностью подъездного жителя. Обычно они расставались разочарованные друг в друге, и Андрей еще пару минут был обижен, рассматривал царапину на руке и жаловался: «Вот зверюга! Но хорош же, а! Ну как такого не погладить?»

Я поднялась на площадку, котик дружелюбно понюхал мою ладонь и с готовностью подставил брюшко. Мне было грустно, устало и не до его нежностей, но обманывать доверчивую ласку не хотелось. Поэтому я запустила пальцы в мех и почувствовала, как в котиковых недрах завелся моторчик. Я гладила кота и смотрела в окно. Там спорили между собой летнее тепло и близящаяся осень – лето пока побеждало,

и солнце, скатываясь с моих пальцев, путалось в кошачьей шерсти. На кинотеатре через дорогу висела афиша на сегодня. Красавица с призывным декольте и пистолетом в руке подпирала головой дату: «23 августа». Андрея нет со мной уже год, два месяца и... Сколько, три? Да, и три дня. Да ладно бы – со мной нет. Его вообще нигде больше нет.

Я погладила котика еще раз, он протяжно муркнул и зарылся мордочкой в лапки, чтобы досмотреть свой кошачий сон. А меня ждали лифт, входная дверь, пустая квартира и не допитый утром кофе в яркой кружке на столе – все как обычно, все так, как много дней уже было со мной, только без Андрея. Сначала мне казалось, что я никогда не привыкну к тишине его рабочего кабинета, в котором никто бодро не стучит по компьютерной клавиатуре. Потом незаметно смирилась и даже перестала заглядывать по вечерам в его комнату в глупой надежде, что Андрей там, просто задремал и потому притих. Я привыкла. Но все равно с каждым днем скучала все больше и больше.

Я пошла на кухню, выплеснула холодный и уже невкусный кофе и заварила себе чай: прямо в чашке, с доброй щепоткой заварки. Андрей всегда недоверчиво нюхал мою чашку и пожимал плечами: «Как ты это пьешь? Не отравишься?» Сам он предпочитал светленький жиденький чаек – и четыре ложки сахара. Положишь три (потому что «белая смерть» и так далее) – сморщится: «Невкусно же!» Как-то раз, спустя три месяца после того... в общем, после всего я, в отчаянной

попытке вернуть хоть что-то, заварила себе такой чай. Любовно размешивала четыре ложечки сахара, и мысль о том, что Андрею было бы вкусно, меня как-то успокаивала. Но пить этот сироп я все-таки не смогла, а вылить было жалко, и чашка с безвозвратно остывшим чаем еще пару дней стояла на столе – я все время натыкалась на нее взглядом, когда завтракала. Потом я разозлилась на себя за сентиментальность – глупость какая, Андрея уже не вернешь! – и одним махом выплеснула этот чай в раковину. И, глядя, как рыжие сладкие капли бегут по ее стенкам, расплакалась – впервые со дня похорон. Обиженно всхлипывая и размазывая слезы по щекам. Потому что он меня бросил, бросил вместе со своей любимой кружкой, заслуженной синей тарелкой с отколотым краешком, голубым пижонским пиджаком, теплым свитером в шкафу, у которого все шерстинки пахнут им, Андреем, одинокой подушкой справа на кровати и много еще чем, что было раньше нашим и живым, а стало чужим и плоским. Очень некстати вспомнилось, как Андрей, издеваясь над моей нелюбовью к сахару, глотал из чашки, закусывал пирожным и нежно говорил «Слаааденько»: вид у него при этом был ужасно хитрый – и я никогда не могла удержаться, чтобы не поцеловать его в липкие губы. Тогда я проплакала весь день, а потом спала, зареванная и уставшая, и была совершенно счастлива, потому что мне снился живой веселый Андрей, – и, кажется, это был последний раз, когда я плакала и когда он мне снился. Иногда я мазохистски на ночь смотрела

наши с ним фотографии и в подробностях вспоминала всего его, чтобы во сне все-таки случилось чудо и он пришел: живой, в своем пушистом свитере или костюме, смеющийся или серьезный, заспанный с утра и мрачный или рабоче-деловой – да все равно, какой, главное, чтобы живой хотя бы на ночь. Но чуда не случилось. Мне было все труднее вспоминать, с какой интонацией он задумчиво тянул «Понимаешь, какая штука...», когда я его спрашивала о чем-то, или как он смешно чпокал губами, прежде чем сказать «хрень какая-то».

Мы были вместе девять лет. Много это или мало?

Довольно много, если смотреть на разводящихся каждые несколько лет знакомых. Много, если мерить сутками: почти 3285 дней вместе. Достаточно для того, чтобы его сын-подросток стал взрослым дядей с жесткой щетиной на подбородке. Достаточно, чтобы у Андрея в волосах пробилась первая седина, а я из хрупкой девочки превратилась в уверенно стоящую на ногах полнотелую женщину.

Этого оказалось мало для того, чтобы родить ребенка: давай еще подождем, еще не время, нам надо проверить чувства, нужно закончить ремонт в квартире, помочь сыну деньгами, пока он учится, и давай еще поживем для себя, а у меня новый проект на работе, мне никак нельзя в декрет, и все-таки с деньгами не очень, ну вот давай съездим в кругосветку, как мечтали, и тогда – ну а куда нам спешить, у нас еще все впереди... Девяти лет оказалось мало, чтобы понять, что

Андрей никогда не будет выключать свет в ванной, и усвоить, что злиться на это глупо. Этого было мало, чтобы научиться печь пирожки с вишней по рецепту его бабушки, – я много раз садилась разбирать ее каллиграфические записи, разбивала энтузиазм о слова «добавить соли по вкусу» (почему?) и оставляла до лучших времен. Девяти лет было совершенно мало, мало, мало, чтобы смотреть, как Андрей сосредоточенно хмурится за работой, чтобы, плаваясь от нежности, целовать его в колючую щеку, пока он спит и кажется лет на десять моложе, чтобы жарить его любимые оладьи и хохотать, глядя, как он, обжигаясь, хватает их прямо со сковородки, чтобы, всегда немного волнуясь, расстегивать его рубашку и гладить волосы на груди, чтобы в очередной раз вместе браться за здоровый образ жизни и, втихаря пряча в шкафчик в ванной батон белого, находить там коробку с пирожными, чтобы держать его за ладонь с длинными пальцами, гуляя по парку, и чувствовать себя в полной безопасности, чтобы слушать его пространные рассуждения о жизни, приоткрыв рот и расставив уши, чтобы..., чтобы..., чтобы..., чтобы...

Я бросила недопитый чай, достала с полки муку и начала замешивать тесто для пирога – это хорошее правильное дело, которое помогает развеяться, но при этом не мешает думать.

За прошедший год я часто прикидывала, а что было бы, будь это не девять лет, а больше. Думать про то, чтобы он

никуда не уходил и до сих пор был жив, оказалось жестоко и больно – поэтому я представляла, что бы случилось, познакомься мы не в мои 25, а хотя бы немножко раньше. Могли же мы встретиться, когда я была легкомысленной 20-летней студенткой, чувствовала себя очень взрослой, живя одна в наследной бабушкиной квартире, тратила стипендию на выпендренные туфли и ела потом одну картошку.

Вот, например, мне 22, и у меня пропало электричество в квартире. Пару дней я мужественно терпела, романтично мылась в душе при свечах и смутно надеялась, что свет вернется сам собой. Электричество, однако, было упорным, возвращаться не планировало, и поэтому на третий день пришлось отпроситься с работы и вызвать электрика. Электрик появился в густеющих зимних сумерках, дыша перегаром так, что мне резко поплохело и захотелось закусить. В первую очередь он попросился в туалет – и оттуда долго раздавались характерные звуки и икание. Потом он вышел, пошатываясь, отпустил пару скользких шуток по поводу моего халата и направился к щитку. Мне ужасно хотелось, чтобы он ушел. Моя крошечная уютная квартирка сразу перестала быть оплотом мира и спокойствия, ее тошнило от едкого перегара так же, как и меня саму, – а у меня не хватало духу выпроводить этого раздражающего типа. Он опасно качался на табуретке, клевал носом, икал и рыгал, из щитка пару раз сыпались искры – я ахала и боялась, что он убьется. Свет все-таки появился, но я расхотела его включать: сидела в тем-

ноте, проветривала квартиру, жалела себя и пила кофе. Потому что я «одинокая-бедная-несчастливая-замученная» и так далее – как умеют все женщины любых возрастов.

С Андреем все было бы не так. Он бы не стал церемониться, подхватил горе-электрика за шкуру и вывел бы его, икающего и что-то бормочущего, из квартиры. Я бы семеняла за ним и уговаривала быть осторожней – потому что электрики, они довольно хрупкие. Андрей бы хмыкал «Ничего с ним не будет!» – и эскортировал мастера за входную дверь, где он и остался трезветь и нецензурно сокрушаться тому, какими некультурными бывают заказчики. Мы какое-то время постояли бы и послушали из-за двери его стенания – на одном из них нам стало бы особенно смешно и мы рассмеялись. Андрей бы меня обнял – я уже не боялась бы никаких пьяных электриков, – и, все так же хохоча, мы бы загрузились в лифт, где занялись любовью между третьим и четвертым этажом. Потому что он прекрасен, а я невозможно сексуальна, потому что в лифте светло, романтическая любовь при свечах уже осточертела – а когда в квартире будет свет, уже непонятно: какой уж тут свет, если мастера у нас такие кособокие. Потом, садясь в лифт, мы бы каждый раз хихикали – а соседи думали, что у нас не все дома.

Или вот, когда мне было 23, я взяла отпуск и поехала отдохнуть в Крым – с ворохом ярких платьев в неподъемном чемодане и фляжкой с наливкой в сумочке. Мне тогда досталась большая полупустая комната с окнами в пышный ды-

шаший чем-то сладким и пряным сад. Кроватей было две рядом, и одну я тут же облюбовала для себя – а на второй каждое утро раскидывала содержимое своего чемодана, выбирая, чем бы поразить горячих южных мужчин: тогда я подпитывалась комплиментами и ощущением того, что я неотразима. По вечерам я, опьяневшая от моря, солнца и чуть-чуть от вина, возвращалась домой и смотрела на темное окно своей комнаты – хотелось бы, чтобы там горел уютный свет, но и без этого все было волшебным. Пробравшись к себе и не включая лампы, я садилась у окна, слушала громких цикад, срывала вишню с протягивающей ветки в окно дерева и мечтала о красивом светлом будущем – сейчас вот оно, тут, а тогда казалось таким далеким.

С Андреем было бы еще лучше. На второй кровати я бы уже не раскладывала платья, потому что на ней лежал бы Андрей с неизменной газетой в руках. Точнее нет, я бы, конечно, по-прежнему разбрасывала на его кровати свои наряды, а Андрей бы ворчал, грозился выкинуть их во двор и требовал «немедленно ликвидировать эти завалы». Пока я собирала бы тряпки, он выхватывал бы из их вороха что-то особенно интересное: «Не-не-не, а вот это оставь, это мне нравится!» Мы бы все дни гуляли по набережным и забирались на горы, мне было бы наплевать на горячих мужчин, но я бы специально надевала платье с открытой спиной – чтобы Андрей бросал ревнивые взгляды на восторженно цокающих языком южан и прикрывал мои голые лопатки ладонью. Я

бы смеялась, и теплая рука на моей спине делала бы меня почти крылатой в солнечном свете и шуме моря, и я была бы невероятно счастлива. Мы возвращались бы домой пораньше, потому что Андрею надо успеть поработать, и он уединялся бы со своими бумагами под торшером с мягким абажуром. Бахрома на нем щекотала бы Андрею лоб, и он бы морщился и откидывал ее, не отвлекаясь от бумаг. Я сидела бы спиной к окну с книгой и иногда поверх нее смотрела, как он работает – а потом, когда умиротворение и радость переваливали через край, я бы уходила прогуляться перед сном. Вокруг бы кричали цикады, было очень тихо, темно и тепло, вдалеке дышало море – я будто бы грелась за пазухой у кого-то большого и доброго. А потом я бы разворачивалась и шла к дому, а окошко нашей комнаты светилось бы в ароматной темноте, а внутри бы ждал Андрей. Я бы специально не ускоряла шагов, чтобы оттянуть радостное ожидание того момента, когда я войду, а он поднимет на меня свои серьезные глаза и улыбнется. Я была бы совсем молоденькая, абсолютно счастливая и очень влюбленная.

Было бы еще много всего: мы бы смеялись и хмурились, я бы плакала у него на плече и засыпала бы рядом с ним, мир был бы огромным и широким, как бывает всегда, когда ты юная и влюбленная, а черными зимними вечерами сужался бы до размеров нашей теплой квартирki. У нас было бы больше времени на целых пять лет – и мы успели бы еще уйму всего. Эти пять лет теперь казались особенным подарком,

и мне было тепло даже думать о них.

Когда Андрея не стало, я потерялась, не знала, куда девать свои ставшие лишними руки, ноги, голову, я все роняла и иногда замирала посреди комнаты, забыв, за чем шла. Искушение сесть на лавочку у его могилы и никуда не уходить было очень сильным. Я немного успокаивалась там, где я чувствовала что-то от Андрея, – пусть там не было его колючей небритой щеки и теплой улыбки, зато было ощущение его присутствия и знакомое имя. Меня оттуда уводили наши друзья, я покорно следовала за ними, потому что знала, что они хотят мне только добра, а спорить с ними бесполезно. Меня поили чаем и наливали туда коньяка, чтобы я наконец заснула. А я уходила с дивана из-под пушистого пледа, потому что там, под пледом, мне было холодно и нехорошо, и шла обратно на кладбище, чтобы хоть немножко заполнить себя Андреем. Мама плакала и говорила, что нельзя себя губить, кто-то подсовывал таблетки и давал визитки с телефоном «самого лучшего психолога, который очень помог, когда у меня...» и что-то еще. У меня из ящичков неожиданно пропали ножи, бритвы и даже маникюрные ножницы – на всякий случай, – но это было зря. Я совсем не хотела умирать, я просто хотела к Андрею.

А потом, на моей уже родной лавочке у могилы, я ужаснулась всему, что делаю. Я увидела Андрея ясно-ясно – будто он сел рядом со мной. И я поняла, что мне стыдно перед ним, очень стыдно. Потому что если бы не с ним, с Андре-

ем, а с кем-то из наших знакомых случилась эта страшная нелепость, а я вела бы себя так, муж бы меня не одобрил. Я отчетливо представила, как он хмурит брови, глядя на меня, притулившуюся на грязной скамеечке, и пытается подобрать правильные слова. А потом он бы решительно взял меня за руку и повел домой – чтобы я пила чай и оживала. И придумал бы сказать что-нибудь правильное, как он умел. Всегда, когда я приходила к нему под бок, придавленная какой-нибудь бедой или очередной несправедливостью, он говорил: «Единственное, что мы можем, – это жить. Это такой протест против всего страшного, что творится в мире. Все, что мы, маленькие, можем противопоставить разрухе, несчастьям, беспорядкам и даже смерти – это жизнь». И он бы, конечно, повторил это снова. И был бы прав.

Тогда я ушла с кладбища – и пошла жить. Чтобы наша квартира, где пахнет свежееиспеченными пирогами и цветочным мылом, стала еще одним небольшим рубежом на пути преодоления жизненного кошмара. Баррикадка оказалась хрупкая и пока неустойчивая – но я пекла сладости, смотрела по телевизору комедии, приглашала гостей и планировала завести собаку. Я была уверена, что теплый мягкий язык и вечно виляющий хвост смогут сделать мои баррикады еще прочнее. И так постепенно разворачивалась жизнь, не лучше и не хуже той, что была, но все-таки жизнь – и я была уверена, что все правильно.

Солнце тихонечко ползло по небу, я закончила печь пи-

рог и вынырнула из уютного теплого мирка горячей духовки, ванильного сахара и вкусной хрустящей корочки. Дел больше толком не было, я протерла пыль с подоконника и немного испугалась. Отсутствие какой-то деятельности до сих пор повергало меня в состояние ступора, и я старалась все время находить себе какие-нибудь занятия. Раньше соблазн вернуться на кладбищенскую скамейку был еще весомей, он уже немного уступил моему натиску, но все же посиделки у окна в наблюдении за вечеряющим небом могли закончиться не очень хорошо.

Так что я решила соблазниться призывным декольте киношной красавицы на афише кинотеатра и посмотреть что-нибудь. А потом покопаться на сайтах в поисках собаки. А потом можно разобрать наконец книжный шкаф и вытереть пыль с книг, а потом... придумаю что-нибудь.

Я бодро стала одеваться, выбрала ярко-розовую помаду и юбку в тон. Закрыла за собой дверь. Лифт был занят, и я отправилась пешком, слушая, как цоканье каблуков поднимается к потолку и застревает в лестничных пролетах.

Пока приходилось тяжело, да. Но мои баррикадки становились все прочнее, я уже не так боялась и теперь искренне верила, что справлюсь и все будет хорошо. Потому что Андрей всегда оказывался прав, прав он и сейчас: что нам еще противопоставить всем бедам, как не жизнь? И я справлюсь, как же иначе?

Котик все так же спал на подоконнике, а при звуке моих

шагов приоткрыл один глаз и, не дожидаясь прикосновения к волшебной кнопке, подставил мне свое пахнущее теплым мехом брюшко.